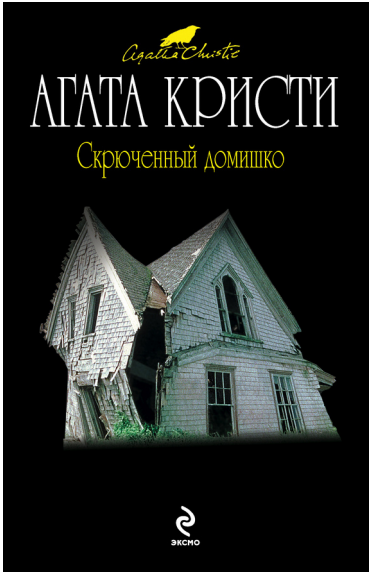

Агата Кристи Скрюченный домишко

предоставлено правообладателями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122017

Агата Кристи «Скрюченный домишко», серия «Вся Кристи»: ЭКСМО; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-32179-7

Аннотация

Помните английскую песенку в переводе Корнея Чуковского: «А за скрюченной рекой / В скрюченном домишке / Жили летом и зимой / Скрюченные мышки»? Для жителей особняка «Три фронтона» эта песенка весьма актуальна – разросшийся пристройками коттедж, населенный большой шумной семьей, действительно напоминает тот самый «скрюченный домишко». В таком доме просто обязана царить веселая кутерьма. Но однажды там стали совершаться убийства...

Содержание

1	4
2	6
3	9
4	14
5	18
6	21
7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Агата Кристи

Скрюченный домишко

1

Я познакомился с Софией Леонидис в Египте в конце войны. Она занимала там довольно высокую административную должность в одном из департаментов Министерства иностранных дел. Мне ее довелось узнать сначала как официальное лицо, и очень скоро я оценил ту необычайную толковость, которая и привела ее на этот пост, несмотря на крайнюю молодость (всего двадцать два года).

Смотреть на нее было очень приятно, а сверх того она обладала ясным умом и суховатым юмором, который я находил восхитительным. Мы подружились. Разговаривать с нею было удивительно легко, и мы частенько с большим удовольствием вместе обедали и иногда танцевали.

Все это я ясно сознавал, но лишь в самом конце войны, когда меня решили перевести на Восток, я уразумел и кое-что другое – что я люблю Софию и хочу на ней жениться.

Я сделал это открытие в то время, как мы обедали в «Шепарде». Я не испытал при этом потрясения, открытие пришло скорее как осознание факта, с которым я давно свыкся. Я взглянул на нее новыми глазами, но увидел то же, что видел раньше и что мне так нравилось: темные курчавые волосы, гордо поднимающиеся надо лбом, яркие голубые глаза, небольшой, воинственно выдвинутый вперед подбородок, прямой нос. Мне нравился ее элегантный светло-серый костюм и сверкающе-белая блузка. В Софии было что-то подкупающе английское, и мне, три года не видавшему родины, это казалось необычайно привлекательным. «Англичанка до мозга костей, – подумал я, и в ту же минуту мне вдруг пришло в голову: – А так ли это, возможно ли такое на самом деле? Может ли реальность обладать совершенством театрального воплощения?»

Я припомнил, что во время всех наших долгих и непринужденных разговоров, когда мы обменивались мнениями, обсуждали наши симпатии и антипатии, а также будущее, близких друзей и знакомых, София ни словом не обмолвилась о своем доме или семье. Обо мне она знала все (как я уже упоминал, она была хорошей слушательницей), но о ней самой я не знал ничего. Скорее всего, у нее, как и у всех людей, где-то был дом, была семья, и тем не менее она никогда о них не упоминала. И до этой минуты я как-то не осознавал этого.

София спросила, о чем я думаю.

– О вас, – сознался я.

– Понимаю, – сказала она.

И кажется, она действительно все поняла.

– Может быть, мы не увидимся ближайшие год или даже два, – продолжал я. – Не знаю, когда я попаду в Англию, но, как только вернусь, я сразу же явлюсь к вам и попрошу вас стать моей женой.

Она словно и не слыхала – просто продолжала сидеть и курить, не глядя на меня.

Я испугался, что она меня не поняла.

– Знаете, София, – сказал я, – для себя я решил твердо – не делать вам предложения сейчас. Во-первых, сейчас вы мне можете отказать, я уеду и с горя свяжусь с какой-нибудь ужасной особой, просто чтобы облегчить себе муки самолюбия. А если и не откажете, то что нам делать? Пожениться и сразу расстаться? Или обручиться и приступить к долгому ожиданию? На это я не пойду из-за вас. Вдруг вы кого-то встретите, но будете считать себя связанной обещанием со мной. Мы живем в странной лихорадочной атмосфере, девиз кото-

рой «спеши успеть». Вокруг заключаются и распадаются браки, расстраиваются романы. Мне приятнее, если вы вернетесь домой свободная, независимая, оглядитесь и разберетесь в этом новом послевоенном мире и решите сами, чего вы хотите. То, что существует между нами, София, должно быть прочным. Иного брака я не мыслю.

– Я тоже, – отозвалась София.

– И в то же время, – заключил я, – мне думается, я имею право дать вам понять, как... я к вам отношусь.

– Но без излишних лирических излияний, – тихонько добавила София.

– Сокровище мое! Неужели вы не понимаете? Я изо всех сил старался не сказать, что люблю вас!..

Она остановила меня:

– Понимаю, Чарльз. Мне нравится ваша забавная манера подходить к вещам. Вы можете прийти ко мне, когда вернетесь, – конечно, если вам еще захочется...

На этот раз прервал ее я:

– Вот уж тут сомнений быть не может.

– Сомнения всегда найдутся. Всегда может возникнуть непредвиденное обстоятельство, которое спутает карты. Начать с того, что вы не очень-то много про меня знаете, правда?

– Я даже не знаю, где вы живете в Англии.

– В Суинли Дин.

Я кивнул – это был фешенебельный дальний лондонский пригород, славящийся тремя превосходными площадками для гольфа, предназначенными для лондонских толстосумов из Сити.

– В скрюченном домишке, – добавила она тихонько с задумчивым видом.

Должно быть, у меня сделался оторопелый вид, во всяком случае, она улыбнулась и процитировала полнее:

– «А за скрюченной рекой в скрюченном домишке жили летом и зимой скрюченные мышки». Это про нас. Дом, правда, домишком не назовешь, но весь косой-кривой – это точно. Сплошные фронтоны и кирпич с деревом.

– У вас большая семья? Братья, сестры?

– Брат, сестра, мать, отец, дядя, тетка, дед, двоюродная бабушка и вторая жена деда.

– Ничего себе! – вырвалось у меня.

Я был несколько ошеломлен.

Она засмеялась:

– Вообще-то мы, как правило, не живем все вместе. Нас свела война, бомбежки... Но, мне кажется, – она задумчиво нахмурила брови, – внутренне семья не расставалась и всегда жила под присмотром и под крылом у деда. Мой дедушка – личность. Ему за восемьдесят, ростом он не выше полутора метров, но рядом с ним все остальные как-то тускнеют.

– По вашему описанию, фигура любопытная.

– Так оно и есть. Он – грек из Смирны, Аристид Леонидис. – И с лукавым огоньком в глазах она добавила: – Несметно богат.

– Сохранит ли кто-нибудь свои богатства, когда война закончится?

– Мой дед, – с уверенностью ответила София. – Никакая политика выкачивания денег из богачей его не проймет. Он сам выкачивает деньги из кого угодно. Интересно, – прибавила она, – понравится ли он вам?

– А вам он нравится?

– Больше всех на свете, – ответила София.

2

Прошло два с лишним года, прежде чем я снова попал в Англию. Прожить их оказалось нелегко. Мы переписывались с Софией довольно часто. Ее письма, как и мои, не были любовными. Скорее переписка двух близких друзей – обмен мыслями и мнениями, соображения по поводу каждодневных событий. И все же, что касается меня, да, по-моему, и Софии тоже, чувство наше друг к другу становилось все глубже и сильнее.

Я возвратился в Англию пасмурным теплым сентябрьским днем. Листья на деревьях в вечернем свете отсвечивали золотом. Порывами налетал шаловливый ветерок. Прямо из аэропорта я послал телеграмму Софии:

«Только что прибыл тчк. Согласны ли пообедать сегодня вечером Марио девять тчк. Чарльз».

Часа два спустя, когда я просматривал «Таймс», в колонке «Рождения, браки, смерти» мне бросилась в глаза фамилия Леонидис:

«19 сентября в „Трех фронтонах“, Суинли Дин, в возрасте 87 лет скончался Аристид Леонидис, возлюбленный супруг Бренды Леонидис. Она скорбит о нем».

Ниже, непосредственно под этим объявлением, стояло:

«Семья Леонидис. У себя дома в „Трех фронтонах“, Суинли Дин, скоропостижно скончался Аристид Леонидис. Любящие дети и внуки искренне оплакивают его. Цветы посылать в церковь Св. Элдreda, Суинли Дин».

Два эти объявления меня весьма удивили. По-видимому, произошла какая-то редакционная ошибка, приведшая к повторному сообщению. Я в первую очередь подумал с тревогой о Софии и немедленно отправил вторую телеграмму:

«Только что прочел известие смерти вашего деда. Глубоко сочувствую. Дайте знать, когда смогу вас увидеть. Чарльз».

Телеграмма от Софии застала меня в шесть часов в доме моего отца:

«Буду Марио девять. София».

Перспектива встречи с Софией привела меня в нервное возбуждение. Время ползло со сводящей с ума медлительностью. В «Марио» я заявился на двадцать минут раньше назначенного часа. София опоздала всего на пять минут.

Встреча с тем, кого не видел очень давно, но кто все время занимал твои мысли, всегда потрясение. И когда наконец София показалась в вертящихся дверях, все дальнейшее приобрело нереальный характер. Она была в черном, и это меня почему-то неприятно поразило. Многие женщины вокруг были в черном, но я решил, что это траур, а я не ожидал, чтобы София вообще стала надевать траур даже ради близкого родственника.

Мы стоя выпили по коктейлю, потом отыскивали свой столик. Мы говорили быстро и лихорадочно, расспрашивая друг друга о прежних каирских знакомых. Разговор был какой-то ненатуральный, но он помог нам преодолеть первоначальную неловкость. Я выразил свои соболезнования по поводу смерти ее деда, София ответила спокойным тоном, что произошло это несколько неожиданно. Затем мы опять пустились в воспоминания. Меня охватило беспокойство – что-то идет не так, и дело совсем не в неловкости, которая вполне естественна после стольких лет разлуки. Нет, определенно что-то неладное творилось с самой Софией.

Быть может, она собирается с духом и сейчас сообщит мне, что встретила другого, кто ближе ей, чем был я? Что ее чувство ко мне «просто ошибка»?

И все-таки я почему-то сомневался, что причина в этом. Но в чем – я не знал. А между тем наша натянутая беседа продолжалась.

И только когда официант, поставив на стол кофе, с поклоном отошел в сторону, все вдруг стало на свои места. Вот снова София и я, мы сидим за столиком ресторана, как сжижались много раз. Словно и не было всех этих лет разлуки.

– София! – сказал я.

Она сразу же откликнулась:

– Чарльз!

Я с облегчением вздохнул:

– Ну, слава богу. Что на нас нашло?

– Наверное, это моя вина. Я вела себя глупо.

– Но теперь все в порядке?

– Да, все в порядке.

Мы улыбнулись друг другу.

– Любовь моя! – сказал я. И сразу же: – Когда ты выйдешь за меня замуж?

Улыбка ее погасла. Нечто непонятное, не имеющее определения, вернулось назад.

– Сама не знаю, – ответила она. – Я не уверена, Чарльз, что вообще смогу выйти за тебя.

– Как, София? Почему? Я кажусь тебе чужим? Тебе нужно время, чтобы опять ко мне привыкнуть? Или же появился кто-то другой? Нет... – оборвал я себя. – Я олух. Причина не в этом.

– Не в этом. – Она покачала головой.

Я ждал. Она понизила голос:

– Причина в дедушкиной смерти.

– В смерти деда? При чем тут это? Какая разница? Не в том же дело... не думаешь же ты... неужели дело в деньгах? Он тебе ничего не оставил? Уверю тебя, моя радость...

– Нет, деньги ни при чем. – Она еле заметно улыбнулась. – Я уверена, что ты охотно взял бы меня замуж и «в одной сорочке», как говорили в старину. Да и дедушка никогда в жизни не понес ни малейшего убытка.

– Так в чем же дело?

– Именно в его смерти. Понимаешь, Чарльз, он не просто... умер. Я думаю... его убили.

Я уставился на нее во все глаза:

– Что за фантастическая идея! Откуда эта выдумка?

– Это не выдумка. Во-первых, доктор повел себя очень странно. Отказался выдать свидетельство о смерти. Будет вскрытие. Совершенно ясно, что они подозревают что-то неладное.

Я не стал спорить. София была умница, и на ее выводы можно было положиться. Но я с горячностью сказал другое:

– Возможно, их подозрения неоправданны, но, даже если ты права и они оправданны, какое отношение это имеет к нам с тобой?

– При некоторых обстоятельствах – имеет. Ты на дипломатической службе. К женам там предъявляются немалые требования. Нет, пожалуйста, не произноси слов, которые тебе не терпится сказать. Ты чувствуешь себя обязанным сказать их и, не сомневаюсь, действительно искренне так думаешь, и я теоретически с тобой согласна. Но я горда, дьявольски горда. Я хочу, чтобы наш брак был удачным для обоих, и поэтому не хочу быть половинкой жертвы во имя любви. Но, может, все еще образуется...

– То есть, может быть, доктор... ошибся?

– Даже если и не ошибся, неважно. Важно, чтобы убийца был тот, кто и требуется...

– Что ты такое говоришь, София?

– Безобразие такое говорить, но, в конце концов, я предпочитаю быть честной. – Она предугадала мой вопрос: – Нет, Чарльз. Больше я ничего не скажу. Я и так уже сказала слишком много. Но я решила непременно повидать тебя и сама все объяснить. Мы ничего не будем решать, пока все не прояснится.

– Но хотя бы Расскажи мне, как и что.

Она покачала головой:

– Не хочу.

– София...

– Нет, Чарльз, не надо, чтобы ты увидел нас под моим углом зрения. Я хочу, чтобы ты взглянул непредубежденным взглядом со стороны.

– И каким образом мне это удастся?

В ее ярких голубых глазах, глядящих на меня, зажегся странный огонек.

– С помощью твоего отца, – ответила она.

Тогда, в Каире, я рассказал Софии, что мой отец – помощник комиссара в Скотленд-Ярде. Он и сейчас еще занимал эту должность. При ее словах холод сдавил мне грудь.

– Значит, дело настолько худо?

– Думаю, что да. Видишь, за тем столиком у входа сидит одинокий человек, вполне симпатичный, похож на отставного военного?

– Да.

– Он стоял на платформе в Суинли Дин, когда я садилась недавно в поезд.

– Ты хочешь сказать – он следит за тобой?

– Да. Думаю, вся наша семья находится... – как это называется? – под наблюдением. Нам, в сущности, намекнули, чтобы мы не покидали дом. Но я решила повидать тебя во что бы то ни стало. – Она с воинственным видом выставила твердо очерченный подбородок. – Я вылезла из окна ванной и соскользнула вниз по водосточной трубе.

– Любовь моя!

– Но полиция хорошо знает свое дело. Кроме того, я же посылала тебе телеграмму... Словом... неважно, зато мы здесь вместе... Но дальше мы должны действовать в одиночку. – Она помолчала, потом добавила: – К сожалению... нет никаких сомнений в том, что мы любим друг друга.

– Никаких, – повторил я. – И не говори «к сожалению». Мы с тобой пережили мировую войну, чудом избежали смерти – так почему же смерть очень старого человека... Сколько, кстати, было ему лет?

– Восемьдесят семь.

– Да, конечно. Это было написано в «Таймс». Если хочешь знать мое мнение, то он просто умер от старости, и любой уважающий себя терапевт признал бы этот факт.

– Если бы ты был знаком с дедом, – проговорила София, – ты бы удивился, что он вообще мог умереть.

3

Я всегда в какой-то мере питал интерес к полицейской работе отца, но мог ли я предположить, что когда-нибудь мне доведется испытать самую непосредственную, личную заинтересованность.

Моего старика (как я называл отца) я еще не успел повидать. Когда я приехал из аэропорта, его не было дома, а приняв ванну, побрившись и переодевшись, я поторопился на свидание с Софией. Но теперь, когда я вернулся домой, Гловер доложил, что отец у себя в кабинете.

Он сидел за письменным столом и хмуро взирал на лежавший перед ним ворох бумаг. Когда я вошел, он вскочил:

– Чарльз! Давненько мы с тобой не виделись!

Свидание наше, после пяти лет военной разлуки, разочаровало бы француза. На самом же деле радость встречи была искренней и глубокой. Мы со стариком очень любим и неплохо понимаем друг друга.

– Есть немного виски, – предложил он. – Скажешь, когда хватит. Прости, что меня не было дома, когда ты приехал. Я по макушку в работе. Тут одно чертовски сложное дело раскручивается.

Я откинулся на спинку кресла и закурил.

– Аристид Леонидис? – спросил я.

Брови его сдвинулись к переносице. Он кинул на меня зоркий взгляд. Голос его прозвучал вежливо, но сурово:

– Кто тебе сказал, Чарльз?

– Стало быть, я прав?

– Откуда у тебя такие сведения?

– Получена информация.

Старик выжидательно молчал.

– Информация, можно сказать, прямо из первых рук.

– Давай, Чарльз, объяснись.

– Тебе это может не понравиться, – начал я наконец. – Там, в Каире, я встретил Софию Леонидис. Влюбился в нее. И собираюсь жениться. Я видел ее сегодня. Мы недавно обедали в ресторане.

– Она с тобой обедала? В Лондоне? Интересно знать, как она ухитрилась туда попасть? Все семейство просили – разумеется, вполне деликатно – не покидать дом.

– Совершенно верно. Она спустилась по трубе из окна ванной.

Губы старика дрогнули в усмешке.

– Судя по всему, – заметил он, – весьма находчивая молодая особа.

– Ничего, не огорчайся, твои полицейские тоже ребята расторопные, – утешил я его. – За ней до самого ресторана «Марио» следовал симпатичный парень армейского типа. Я буду фигурировать в отчете, который он тебе представит: рост сто семьдесят пять сантиметров, волосы каштановые, глаза карие, костюм темно-синий в узкую полоску и так далее.

Старик пристально на меня смотрел.

– Это... серьезно? – спросил он.

– Да, серьезно, папа.

Последовало недолгое молчание.

– Ты против? – спросил я.

– Я не был бы против еще неделю назад. Семья с хорошим положением, девушка с деньгами... да и я знаю тебя. Ты, как правило, не так легко теряешь голову. Но сейчас...

– Что, папа?

– Все, может быть, еще обойдется, если...

– Что если?

– Если убийство совершил тот, кто и требуется.

Вот уже второй раз за вечер я слышал эту фразу. Во мне проснулось любопытство:

– И кто же это такой?

Отец бросил на меня острый взгляд:

– А что тебе вообще известно?

– Ничего.

– Ничего? – удивился он. – Разве девушка тебе не рассказала?

– Нет... Она сказала, что пусть лучше я увижу все со стороны.

– Интересно, почему так?

– Разве это не ясно?

– Нет, Чарльз. По-моему, не ясно.

Он прошелся взад-вперед по кабинету, хмуря брови. Какое-то время назад он раскурил сигару, но она успела потухнуть – до такой степени старина был встревожен.

– Что ты вообще знаешь об этой семье? – выпалил он.

– Пропасть! Знаю, что был старик и куча сыновей, внуков и родня жены. Всех ответвлений я не усвоил. – Я помолчал. – Придется тебе, отец, обрисовать обстановку.

– Хорошо. – Он уселся на место. – Значит, так, начну с начала – с Аристида Леонидиса. Он приехал в Англию, когда ему было двадцать четыре года.

– Грек из Смирны.

– И это тебе известно?

– Да, но это, в общем, и все.

Дверь отворилась, Гловер возвестил, что пришел старший инспектор Тавернер.

– Он ведет это дело, – пояснил отец. – Его полезно повидать. Он изучал их семью вплотную. Знает про них куда больше меня.

Я спросил, взялся ли Скотленд-Ярд за это дело по просьбе местной полиции.

– Суинли Дин относится к Большому Лондону, они подпадают под нашу юрисдикцию.

Я кивнул. В комнату уже входил старший инспектор Тавернер. Я знал его с довоенных времен. Он горячо приветствовал меня и поздравил с благополучным возвращением.

– Я знакомлю Чарльза с общей картиной дела, – объяснил старик. – Поправьте меня, Тавернер, если я собоюсь. Леонидис приехал в Лондон в тысяча восемьсот восемьдесят четвертом. Открыл ресторанчик в Сохо. Ресторанчик стал приносить доход. Леонидис открыл второй. Скоро ему принадлежало семь или восемь ресторанов. И все окупались с лихвой.

– Никогда не сделал ни одной ошибки, за что бы ни брался, – вставил старший инспектор.

– Он обладал природным чутьем, – продолжал отец. – В результате он стоял почти за всеми модными лондонскими ресторанами. Дальше он занялся ресторанным делом по-крупному.

– Он стоял и за многими другими предприятиями, – добавил Тавернер. – Торговля подержанной одеждой, магазин дешевых ювелирных изделий и масса всего другого. Разумеется, – добавил он задумчиво, – он всегда был пройдохой.

– То есть мошенником? – спросил я.

Тавернер покачал головой:

– Нет, я не это имею в виду. Бестия – да, но не мошенник. Закона никогда не нарушал. Но ухитрялся придумать тысячи уловок, чтобы закон обойти. Он урвал большой куш даже во время войны, а уж на что был стар. Никогда ничего противозаконного, но уж если он за

что-то взялся – значит, сочиняй скорей новый закон. Но пока вы сочиняли новый закон, он успевал затеять следующий бизнес.

– Не слишком обаятельный субъект, – заметил я.

– То-то и оно, что очень обаятельный. Понимаете, он обладал индивидуальностью. И смотреть-то, кажется, не на что, прямо гном какой-то – маленький, уродливый, но в нем чувствовался магнетизм. Женщины в него так и влюблялись.

– Выбор первой жены всех удивил, – вмешался отец. – Он женился на дочери сельского сквайра, главы охотничьего общества.

Я удивленно поднял брови:

– Деньги?

Старик покачал головой:

– Нет, брак по любви. Она познакомилась с ним, когда заказывала свадебный ужин для своей подруги, и влюбилась в него. Повторяю, он был очень обаятельный. Его экзотичность, энергия – вот что ее, наверное, привлекло. Ей до смерти надоело ее сельское окружение.

– И брак получился счастливым?

– Как ни странно, очень. Конечно, ее и его друзья не сочетались – еще не наступили те времена, когда деньги смели все классовые различия, – но это их не смущало. Они стали обходиться без друзей. Аристид построил свой несуразный дом в Суинли Дин, они поселились там и родили восьмерых детей.

– Вот уж поистине семейная хроника.

– Старый Леонидис поступил весьма умно, выбрав Суинли Дин. Тогда этот пригород только начинал входить в моду. Вторую и третью площадку для гольфа еще не сделали. Суинли Дин населяли старожилы, страстно привязанные к своим садикам и полюбившие миссис Леонидис, и дельцы из Сити, которые мечтали завязать деловые отношения с самим Леонидисом, так что выбор знакомых у них был богатый. Так они и жили, наслаждаясь счастьем, пока она не умерла от пневмонии в тысяча девятьсот пятом году.

– Оставив ему восьмерых детей?

– Один умер в младенчестве. Двоих сыновей убили во время этой войны. Одна дочь вышла замуж, уехала в Австралию и там умерла. Незамужняя дочь погибла в автокатастрофе. Еще одна умерла года два назад. В живых осталось двое – старший сын Роджер, женатый, но бездетный, и Филип, женатый на известной актрисе. У них трое детей – твоя София, Юстас и Жозефина.

– И все они живут в этих... как там? В «Трех фронтонах»?

– Да. У Роджера Леонидиса квартиру разбомбило в самом начале войны. Филип с семьей поселился там в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. И еще имеется пожилая тетка, мисс де Хевиленд, сестра первой миссис Леонидис. Она всегда терпеть не могла своего зятя, однако, когда сестра умерла, она сочла своим долгом принять его приглашение и остаться воспитывать детей.

– И она с большим рвением выполняет свой долг, – заметил инспектор Тавернер. – Но она не из тех, кто склонен менять свое мнение о том или ином человеке. Она всегда неодобрительно относилась к Леонидису и его способам ведения дел.

– Словом, народу полон дом, – сказал я. – И кто же, по-вашему, убил?

Тавернер покачал головой.

– Рано, – сказал он, – рано отвечать на этот вопрос.

– Оставьте, Тавернер, я уверен, вы кого-то подозреваете. Мы ведь с вами не в суде.

– Это верно, – мрачно отозвался Тавернер. – Но до суда дело и вообще может не дойти.

– Вы хотите сказать, что это не убийство?

– Нет, тут сомневаться не приходится. Его отравили. Но, сами знаете, какая морока с этими отравлениями. Доказательства добыть не так-то просто – дело деликатное. Все факты могут указывать в одном направлении.

– Вот это я и хочу от вас узнать. Вы уже, наверное, составили себе определенное мнение?

– Да, есть одна очень убедительная версия. Знаете, как бывает: все сходится, улики как нарочно подбираются. Но я почему-то не уверен. Дело мудреное.

Я обратил умоляющий взор на старика. Он медленно проговорил:

– Как ты знаешь, Чарльз, когда речь идет об убийстве, очевидное решение обычно и есть правильное. Старый Леонидис женился вторично десять лет назад.

– В семьдесят семь?

– Да, на молодой двадцатичетырехлетней женщине.

Я присвистнул:

– Что за молодая женщина?

– Работала в кафе. Вполне приличная особа, красивая, но несколько вялого, анемичного вида.

– Это и есть ваша убедительная версия?

– А как бы вы думали, сэр? – проговорил Тавернер. – Сейчас ей всего тридцать четыре, возраст опасный. Она уже привыкла к роскошному образу жизни. К тому же в доме живет молодой человек. Учитель внуков. На войне не был – то ли сердце неважное, то ли еще что. Дружба у них – водой не разольешь.

Я задумался, глядя на него. Старая знакомая песня. По испытанному образцу. Вторая миссис Леонидис, как подчеркнул отец, особа в высшей степени порядочная. Но сколько убийств совершалось именем порядочности!

– Чем его отравили? – полюбопытствовал я. – Мышьяком?

– Нет. Результаты анализа мы еще не получили, но доктор считает, что это эзерин.

– Несколько необычно, правда? Наверняка нетрудно проследить, кто покупал.

– Нет, не тот случай. Лекарство-то его собственное. Глазные капли.

– Леонидис страдал диабетом, – пояснил отец. – Ему делали регулярные уколы инсулина. Инсулин продается в пузырьках с резиновой крышечкой. Игла для подкожных инъекций вводится через крышечку внутрь пузырька, и содержимое набирается в шприц.

Я догадался, что последует дальше.

– И в пузырьке оказался не инсулин, а эзерин?

– Совершенно верно.

– И кто делал укол? – спросил я.

– Жена.

Теперь я понял, что подразумевала София, говоря «убил тот, кто требуется». Я задал еще один вопрос:

– Семья в хороших отношениях со второй женой?

– Нет. Кажется, в ссоре.

Все становилось яснее и яснее. И все-таки инспектор Тавернер был явно неудовлетворен.

– Что вам тут не нравится? – настаивал я.

– Если убила она, мистер Чарльз, ей было так просто вернуть потом на место пузырек с инсулином. Вот чего я в толк не возьму: почему она этого не сделала.

– Да, казалось бы, чего естественнее. И много в доме инсулина?

– О да, полные пузырьки, пустые пузырьки... Подмени она пузырек, и доктор нипочем не заподозрил бы, что дело нечисто. Ведь очень мало известно о признаках отравления эзе-

рином. И поэтому доктор, думая, что дело в неправильной дозировке, сделал проверку на инсулин и таким образом обнаружил, что это вовсе не инсулин.

– Стало быть, – задумчиво проговорил я, – миссис Леонидис либо очень глупа, либо очень хитра.

– То есть...

– Она, может быть, и рассчитывала на то, что уж за такую дуру вы ее не примете. Какие есть варианты? Есть еще подозреваемые?

– Фактически любой из домашних мог это сделать, – ответил старик невозмутимо. – В доме всегда был большой запас инсулина, по крайней мере на две недели вперед. С одним из пузырьков можно было произвести нужные манипуляции, а потом незаметно подсунуть обратно, зная, что рано или поздно до него дойдет очередь.

– Насколько я понимаю, любой имел доступ к инсулину?

– Его никто не запирает, пузырьки стояли в ванной на половине Леонидиса – на определенной полке в аптечке. Все передвигались по дому свободно, когда и куда хотели.

– Веский мотив?

Отец вздохнул:

– Милый Чарльз, Аристид Леонидис был сказочно богат! Он, правда, перевел изрядную часть денег на своих близких при жизни, но, возможно, кому-то захотелось иметь еще больше.

– И больше всех захотелось нынешней жене. А у ее молодого дружка есть деньги?

– Нет. Беден, как церковная мышь.

И тут меня осенило. Я вспомнил строчку, которую приводила София. Вспомнил почти весь детский стишок:

Жил на свете человек
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.

А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки.¹

– А как вам миссис Леонидис? – спросил я Тавернера. – Что вы о ней думаете?

Он ответил с расстановкой:

– Трудно сказать... очень трудно. Ее не сразу раскусишь. Тихая такая, молчаливая, не знаешь, что она думает. Но она привыкла жить в роскоши, это точно. Напоминает мне кошку, пушистую, ленивую, мурлыкающую кошку... Я, правда, ничего против кошек не имею. Они животные симпатичные. – Он вздохнул: – Доказательства – вот что нам нужно.

«Да, – подумал я, – нам всем нужны доказательства того, что миссис Леонидис отравила своего мужа – нужны Софии, нужны мне, нужны старшему инспектору Тавернеру».

И тогда все будет как нельзя лучше. Но София не была ни в чем уверена, я не был уверен, и, думаю, инспектор Тавернер тоже не был уверен...

¹ Перевод К. Чуковского.

4

На следующий день я вместе с Тавернером отправился в «Три фронтона».

Положение мое было довольно щекотливым. Мягко говоря, его нельзя было назвать общепринятым. Но и мой старик никогда не был сторонником общепринятого.

Кое-какое основание для сотрудничества с полицией у меня имелось. В самом начале войны я работал в Особом подразделении Скотленд-Ярда.

Конечно, случай здесь был совсем не тот, но все же моя прежняя деятельность давала мне, как бы это сказать, определенный официальный статус.

Отец объявил:

– Если хотим так или иначе распутать это дело, нужен источник информации в самом доме. Нам необходимо знать все, что только можно, про людей, живущих в доме. И знать изнутри, а не извне. Вот в этом и будет твоя работа.

Мне это не понравилось. Я бросил окурок в камин и сказал:

– Значит, я становлюсь полицейским шпииком? Так? Я должен добывать информацию через Софию, которую люблю и которая тоже, как мне хочется думать, любит меня и доверяет мне.

Старик просто взбеленился:

– Ради бога, оставь эту банальную точку зрения. Прежде всего ты, надеюсь, не думаешь, что твоя девушка убила своего деда?

– Нет, естественно. Какой абсурд!

– Отлично, мы тоже так не думаем. Она несколько лет отсутствовала, отношения с дедом у нее были всегда самые дружеские. Доход у нее солидный, дед, скорее всего, отнесся бы к вашей помолвке одобрительно, а возможно, сделал бы по поводу свадьбы еще какое-нибудь щедрое распоряжение. Нет, она стоит вне подозрений. Да и с чего бы нам ее подозревать? Но ты можешь быть уверен в одном. Если загадка не прояснится, девушка за тебя не выйдет. Я сужу по тому, что ты мне о ней рассказывал. Причем, заметь, преступление такого типа может остаться нераскрытым. Допустим, мы убедимся, что между женой и молодым человеком существовал сговор, но это еще надо доказать. Пока что даже нет оснований передать дело заместителю прокурора. И если мы не добудем настоящих улик против жены, нехорошие подозрения всегда останутся. Ты это понимаешь?

Да, я понимал.

– Почему бы тебе все это не объяснить твоей девушке? – продолжал уже спокойно отец.

– То есть спросить Софию, могу ли я?... – Я запнулся.

Старик энергично закивал:

– Вот-вот. Я же не прошу тебя втираться туда и шпионить без ее ведома. Послушаешь, что она тебе на это скажет.

Вот как получилось, что на следующий день я покатил со старшим инспектором Тавернером и сержантом Лэмом в Суинли Дин.

Проехав чуть подальше площадки для гольфа, мы очутились у въезда в поместье, где, как мне казалось, до войны красовались внушительного вида ворота. Патриотизм или безжалостная реквизиция смели их долой. Мы проехали по длинной извилистой аллее, обсаженной рододендронами, и оказались на гравийной площадке перед домом.

Дом являл собой невероятное зрелище! Почему его называли «Три фронтона»? «Одиннадцать фронтонов» подошло бы ему гораздо больше! Вид у него был какой-то странный, я бы сказал, перекошенный, и я быстро догадался – почему. Построен он был как загородный коттедж, но коттедж, несоразмерно разбухший и поэтому утративший правильные пропорции. Перед нами был типичный старинный дом, с косыми планками и выступающими фрон-

тонами, но только страшно разросшийся. Мы словно смотрели на загородный домик сквозь гигантское увеличительное стекло – скрюченный домишко, выросший, как гриб за ночь!

Мне кое-что стало яснее: дом воплощал представление грека-ресторатора о типично английском. Он был задуман как дом англичанина. Но только размером с замок! У меня промелькнула мысль – а как относилась к нему первая миссис Леонидис. С ней, скорее всего, не советовались и чертежей не показывали. Вероятнее всего, это был маленький сюрприз ее экзотического супруга. Интересно, содрогнулась она при виде этого дома или улыбнулась?

Но жилось ей тут, во всяком случае, счастливо.

– Немного угнетает, правда? – произнес инспектор Тавернер. – Хозяин достраивал его постепенно и, по существу, сделал из него три самостоятельных дома – с кухнями и со всем прочим. Внутри все на высшем уровне – как в роскошном отеле.

Из парадной двери вышла София. Без шляпы, в зеленой блузке, в твидовой юбке. Увидев меня, она остановилась как вкопанная.

– Ты? – воскликнула она.

– София, мне надо с тобой поговорить. Куда бы нам пойти?

На миг мне показалось, что она сейчас откажется, но она сказала: «Сюда», и мы пошли с ней через лужайку. С площадки для гольфа номер один открывался дивный вид – поросший соснами склон холма и дальше – сельский ландшафт в неясной дымке.

София привела меня в садик с альпийскими горками, выглядевший несколько заброшенным, и мы уселись на очень неудобную, грубую деревянную скамью.

– Ну? – спросила она.

Тон не обнадеживал. Но я все-таки изложил идею до конца.

Она слушала внимательно. Лицо ее почти ничего не выражало, но когда я наконец закончил, она вздохнула. Глубоко вздохнула.

– Твой отец, – сказала она, – очень умный человек.

– Да, мой старик не лишен достоинств. Идея, конечно, никудышная.

– Нет, нет, – прервала она меня, – совсем не никудышная. Пожалуй, это единственное, что может сработать. Твой отец, Чарльз, очень точно угадал, о чем думаю я. Он лучше понимает меня, чем ты.

И с неожиданной, какой-то отчаянной горячностью она ударила кулаком одной руки по ладони другой.

– Мне нужна правда. Я хочу знать!

– Из-за нас с тобой? Но, любовь моя, ведь...

– Не только из-за нас, Чарльз. Речь идет еще о моем душевном спокойствии. Видишь ли, Чарльз, я вчера вечером не сказала главного... Я боюсь.

– Боишься?

– Да, боюсь, боюсь, боюсь. Полиция считает, твой отец считает, все считают... что это Бренда.

– Но вероятность...

– Да, да, это вполне вероятно. Вполне правдоподобно. Но когда я говорю: «Наверное, его убила Бренда», то сознаю, что я хочу, чтобы это было так. Но, понимаешь, на самом деле я так не думаю.

– Не думаешь? – медленно переспросил я.

– Я не знаю, что думать. Ты услышал нашу историю со стороны, как я и хотела. Теперь я покажу тебе все изнутри. Мне просто кажется, что Бренда не тот тип человека, что она не способна на поступок, который может навлечь на нее опасность. Она для этого слишком заботится о себе.

– А как насчет ее молодого человека? Лоуренса Брауна?

– Лоуренс настоящая овца. У него не хватило бы пороку.

– Неизвестно.

– Вот именно. Мы ведь ничего не знаем наверняка. Я хочу сказать, люди способны на любые неожиданные поступки. Ты составил о ком-то определенное мнение, и вдруг оно оказывается абсолютно неверным. Не всегда – но не так уж и редко. И все-таки Бренда... – София тряхнула головой. – Она всегда вела себя в соответствии со своей натурой, а это было бы так не похоже на нее. Она то, что я называю: женщина гаремного типа. Любит сидеть и ничего не делать, любит сладкое, красивые платья, драгоценности, любит читать дешевые романы и ходить в кино. И, как ни странно это может показаться, если вспомнить, что деду было восемьдесят семь лет, она, по-моему, была от него без ума. В нем ощущалась сила, энергия. Мне кажется, он давал женщине почувствовать себя королевой... фавориткой султана. Я думаю и всегда думала, что благодаря ему Бренда почувствовала себя волнующей романтической особой. Всю свою жизнь он умел обращаться с женщинами, а это своего рода искусство, и с возрастом оно не утрачивается.

Я оставил на время тему Бренды и вернулся к встревожившей меня фразе Софии:

– Почему ты сказала, что боишься?

София слегка передернулась и сжала руки.

– Потому что так оно и есть, – тихо ответила она. – Очень важно, Чарльз, чтобы ты меня понял. Видишь ли, мы очень странная семья... В каждом из нас сидит жестокость... причем совершенно разного свойства. Вот это и вызывает тревогу: то, что она разная.

Должно быть, на моем лице она прочла непонимание. Она продолжала более настойчиво:

– Сейчас я постараюсь выразить свою мысль яснее. Возьмем, например, дедушку. Один раз он рассказывал нам про свое детство в Смирне и мимоходом, как будто так и надо, упомянул, что пырнул ножом двоих. Какая-то уличная ссора, кто-то его смертельно оскорбил – точно не знаю, но все, что произошло, для него было совершенно естественно. И он, в сущности, забыл про ту историю. Но, согласись, услышать о таком поступке в Англии и совершенно между прочим – довольно дико.

Я кивнул.

– Это один вид жестокости, – продолжала София. – Затем бабушка. Я ее едва помню, но слышала про нее много. У нее жестокость, я думаю, шла от отсутствия воображения. Все ее предки – охотники на лис, генералы, этакie грубые бурбоны, исполненные прямоты и высокомерия. Такие, нимало не сомневаясь, с легкостью распорядятся чужой жизнью и смертью.

– Не слишком ли это притянута за уши?

– Может быть, и притянута, но меня всегда пугал этот тип людей – жестоких в своей прямоте. Дальше – моя мама, она – актриса и прелесть, но абсолютно лишена чувства меры. Она из тех бессознательных эгоцентриков, которые видят происходящее лишь постольку, поскольку это касается их самих. Иногда, знаешь, это пугает. Затем – Клеменси, жена дяди Роджера. Она – ученая, проводит какие-то важные исследования. Тоже безжалостна в своем безлико-хладнокровном стиле. Дядя Роджер – тот полная ей противоположность, добрейшая и милейшая личность, но вспыльчив до ужаса. Любая мелочь способна вывести его из себя, и тогда он буквально теряет над собой власть. Отец...

Последовала долгая пауза.

– Отец, – медленно продолжала она, – слишком хорошо владеет собой. Никогда не угадать, что он думает. Он никогда не проявляет ни малейших эмоций. Возможно, это какая-то бессознательная самозащита против маминого разгула эмоций, но все же... иногда это меня немного тревожит.

– Дорогая моя, – сказал я, – ты напрасно так себя взвинчиваешь. Дело сводится к тому, что любой человек в принципе способен на убийство.

– Думаю, что да. Даже я.

– Только не ты!

– Нет, Чарльз, я не исключение. Мне кажется, я могла бы убить... – Она умолкла, потом добавила: – Убить из-за чего-то очень важного!

Я рассмеялся. Просто не мог удержаться. София тоже улыбнулась.

– Может, все это глупости, но мы обязаны узнать правду о смерти бабушки. Просто обязаны. Если бы только это оказалась Бренда...

Мне вдруг стало очень жаль Бренду Леонидис.

5

По дорожке навстречу нам быстрыми шагами двигалась высокая фигура в старой мятой фетровой шляпе, бесформенной юбке и какой-то громоздкой вязаной кофте.

– Тетя Эдит, – сказала София.

Фигура раза два нагнулась над цветочными бордюрами, затем стала приближаться к нам. Я встал со скамьи.

– Это Чарльз Хейворд, тетя Эдит. Моя тетя, мисс де Хевиленд.

Эдит де Хевиленд было около семидесяти. Копна седых растрепанных волос, обветренное лицо, острый пронизательный взгляд.

– Здравствуйте, – проговорила она. – Слышала про вас. Вернулись с Востока? Как поживает ваш отец?

Я с удивлением ответил, что хорошо.

– Я его знала еще мальчиком, – пояснила она. – Была знакома с его матерью. Вы на нее похожи. Хотите нам помочь или наоборот?

– Надеюсь помочь. – Я почувствовал себя не в своей тарелке.

– Помощь нам не помешает. В доме кишмя кишат полицейские. То и дело на них натыкаешься. Некоторые мне не нравятся. Если мальчик ходил в приличную школу, он не должен служить в полиции. Я тут на днях видела сына Мойры Киноул – стоит регулировщиком около Мраморной арки. Иногда не знаешь, на каком ты свете. – Она повернулась к Софии: – Няня тебя искала, София. Надо распорядиться насчет рыбы.

– Ах ты, черт, забыла! – воскликнула София. – Пойду позвоню в лавку.

Она заторопилась к дому. Мисс де Хевиленд медленно двинулась в том же направлении. Я пошел рядом с ней.

– Не знаю, что бы мы делали без нянюшек, – проговорила мисс де Хевиленд. – Почти у всех бывают старые няни. Они остаются в доме, стирают, гладят, готовят, прибирают комнаты. Они верные и преданные. Нашу я сама нашла много лет назад.

Она нагнулась и со злобой выдернула выюющийся перекрученный зеленый стебелек.

– Мерзкий выюн. Хуже сорняка нет! Обвивает, душит и добраться-то до него как следует нельзя – идет под землей.

Она в сердцах раздавила каблуком выдернутую кучку зелени.

– Скверное дело, Чарльз Хейворд, – сказала она, глядя в сторону дома. – А что думает полиция? Нет, наверное, мне не следует задавать вам такой вопрос. В голове не укладывается, что Аристиды отравили. Да и вообще чудно думать о нем как о мертвом. Он мне никогда не нравился – никогда! Но привыкнуть к тому, что он умер, не могу... Дом без него какой-то... пустой.

Я молчал. Несмотря на отрывистость речи, Эдит де Хевиленд, очевидно, погрузилась в воспоминания.

– Я утром думала: прожила я тут долго. Больше сорока лет. Переехала сюда, когда умерла сестра. Он меня пригласил. Семеро детей, младшему год. Не могла же я предоставить их воспитание какому-то даго.² Брак, разумеется, немыслимый. Мне всегда казалось, что Марсию околдовали. Уродливый, вульгарный иностранец! Но, должна сказать, он предоставил мне полную самостоятельность. Няньки, гувернантки, школа – всем распоряжалась я. И настоящая здоровая детская пища. Не всякие там острые блюда из риса, которые он ел сам.

– И вы так и живете здесь с тех пор?

² Даго – презрительное прозвище итальянца, испанца, португальца и пр.

– Да. Даже странно... Я ведь могла уехать, когда дети выросли и женились... Но я, видимо, увлеклась цветами, садом. К тому же меня беспокоил Филип. Когда мужчина женится на актрисе, домашнего уюта не жди. Не знаю, к чему актрисам дети? Как только рождается ребенок, они тут же сломя голову мчатся играть в Эдинбург или еще куда-нибудь, лишь бы подальше. Филип правильно сделал, что поселился здесь со всеми своими книжками.

– А чем занимается Филип Леонидис?

– Пишет книги. Зачем – не знаю. Никто их не читает. И все о третьестепенных исторических эпизодах. Вы ведь тоже наверняка про его книги слыхом не слыхивали?

Я подтвердил это.

– Слишком богат, вот что, – продолжала мисс де Хевиленд. – Когда приходится зарабатывать деньги, чудить некогда.

– А книги его не окупают себя?

– Разумеется, нет. Он считается большим авторитетом по определенным периодам. Но ему незачем и стараться, чтобы книги его окупались. Аристид закрепил за ним тысяч сто фунтов – нечто фантастическое! Чтобы избежать налога на наследство, Аристид всех их сделал финансово независимыми. Роджер заведует фирмой ресторанных услуг, София тоже щедро обеспечена. Деньги младших – под солидной опекой.

– Стало быть, никто в особенности от его смерти не выигрывает?

Она бросила на меня непонятный взгляд.

– Почему же? Все получают еще больше денег. Но они могли бы их получить и так, стоило попросить у отца.

– А у вас есть догадка, кто отравил его, мисс де Хевиленд?

Ответ был вполне в ее характере:

– Ни малейшей. И мне это очень не нравится. Не слишком приятно думать, что по дому шатается Борджиа.³ Полагаю, полиция припишет убийство бедной Бренде.

– А вы считаете, что они будут не правы?

– Ничего не могу сказать. Мне лично она всегда казалась удивительно глупой заурядной особой и весьма склонной к соблюдению условностей. На отравительницу, с моей точки зрения, не похожа. Но в конце концов, если двадцатичетырехлетняя женщина выходит замуж за старика под восемьдесят, всякому ясно, что вышла она ради денег. В другом случае она могла рассчитывать на то, что очень скоро станет богатой вдовой. Но Аристид был поразительно живуч. Диабет его не усиливался. Он свободно мог прожить до ста. Вероятно, она устала ждать...

– И в этом случае... – начал я и остановился.

– В этом случае, – живо подхватила мисс де Хевиленд, – все было бы более или менее спокойно. Огласка, конечно, вещь неприятная... Но, в конце концов, она не из нашей семьи.

– И других предположений у вас нет?

– Какие могут быть другие предположения?

Я задумался. У меня родилось подозрение, что в голове под мятой фетровой шляпой скрываются недоступные мне мысли. И что, несмотря на отрывистую, почти бессвязную манеру говорить, ясно, что там совершается работа весьма проницательного ума. На мгновение мне даже подумалось, не отравила ли Аристида Леонидиса она сама...

Что ж, ничего невозможного в этом не было. Я никак не мог забыть, с какой мстительностью она вдавила каблуком в землю выюнок.

Мне вспомнилось слово, которое употребила София: *жестокость*.

Я украдкой бросил взгляд на Эдит де Хевиленд.

³ Имеется в виду Цезарь Борджиа, сын папы Александра VI, знаменитый своим коварством и жестокостью убийца.

Будь у нее основательная причина... Но какую причину Эдит де Хевиленд могла бы счесть основательной? Чтобы ответить на этот вопрос, я должен был знать ее лучше.

6

Парадная дверь была не заперта. Мы прошли в на редкость просторный холл. Обставлен он был почти строго: полированный темный дуб и сверкающая медь. В дальней части холла, где полагалось быть лестнице, мы вместо этого увидели белую стену, обшитую панелью с дверью посередине.

– Там часть дома, принадлежащая моему зятю, – пояснила мисс де Хевиленд. – В нижнем этаже живут Филип с Магдой.

Мы вошли в дверь слева и оказались в большой гостиной. Бледно-голубые стены с панелями, мебель, обитая тяжелой парчой, буквально на каждом столике и по стенам стояли и висели фотографии и рисованные портреты актеров, балерин, сцены из спектаклей и эскизы декораций. Над камином висели «Балерины» Дега. Комната утопала в цветах, повсюду стояли гигантские коричневые хризантемы и громадные вазы с гвоздиками.

– Вы, вероятно, хотите видеть Филипа? – сказала мисс де Хевиленд.

Хотел ли я? Не знаю. Когда я ехал сюда, я хотел видеть только Софию, и я ее повидал. Она решительно одобрила план старика, но теперь она пропала из виду и, наверное, звонит по телефону насчет рыбы, не дав мне никаких указаний – как себя вести. В каком качестве предстать перед Филипом Леонидисом? Как молодой человек, ищущий руки его дочери, или просто как знакомый, зашедший в дом случайно (и именно в такой неподходящий момент!), или же как сотрудник полиции?

Мисс де Хевиленд не дала мне времени на размышление. Да это и не был вопрос, скорее, утверждение. Мисс де Хевиленд, судя по всему, больше была склонна утверждать, а не вопрошать.

– Пойдем к нему в библиотеку, – распорядилась она.

Она вывела меня из гостиной, мы прошли коридором еще до одной двери и очутились в большом, сплошь заставленном книгами кабинете. Книги не только заполняли полки, доходившие до потолка, но лежали на стульях и столах и даже на полу. И несмотря на это, впечатления беспорядка не оставалось.

В комнате царил холод. И отсутствовал какой-то запах – какой, я не мог сразу определить, хотя почему-то ждал его. Здесь пахло книжной пылью и немного воском. Через минуту я понял, чего мне тут не хватало – табачного запаха. Филип Леонидис не курил.

При нашем появлении он встал из-за стола – высокий, удивительно красивый мужчина лет пятидесяти. До сих пор все так подчеркивали уродливость Аристиды Леонидиса, что я почему-то ожидал увидеть уродливого сына. И уж во всяком случае, я никак не был готов к такому совершенству черт: прямой нос, безупречный контур лица, светлые тронутые седью волосы, откинута назад с прекрасного лба.

– Это Чарльз Хейворд, Филип, – сказала Эдит де Хевиленд.

– Здравствуйте.

Невозможно было догадаться, слышал он уже обо мне или нет. Протянутая рука была холодна как лед. На лице читалось полное безразличие. Я занервничал. Он стоял и терпеливо, безучастно ждал.

– Где эти кошмарные полицейские? – требовательным тоном спросила мисс де Хевиленд. – Заходили они сюда?

– Старший инспектор... – Филип взглянул на лежавшую перед ним на столе карточку, – Тавернер, очевидно, скоро зайдет побеседовать.

– Где он сейчас?

– Не имею представления, тетя Эдит. Наверное, наверху.

– У Бренды.

– Право, не знаю.

Глядя на Филипа Леонидиса, трудно было себе представить, что где-то неподалеку произошло убийство.

– Магда встала?

– Не знаю. Обычно она раньше одиннадцати не встает.

– Очень похоже на нее, – проворчала Эдит де Хевиленд.

Похоже было также, что именно миссис Магде Леонидис принадлежал высокий голос, который что-то быстро тараторил и по мере приближения становился все громче. Дверь за моей спиной распахнулась, и в кабинет вошла женщина. Не знаю уж, каким образом, но создалось впечатление, будто в комнату вошла не одна, а три женщины.

Она курила сигарету в длинном мундштуке, другой рукой подбирая длинное атласное negligee персикового цвета. Золотисто-каштановые волосы каскадом ниспадали ей на спину. Лицо казалось ошеломляюще голым – такое впечатление производят в наши дни лица женщин без косметики. Глаза были голубые, огромные. Она буквально сыпала словами, произнося их с отличной дикцией очень приятным с хрипотцой голосом.

– Миленький, я этого не вынесу, просто не вынесу, одни извещения чего стоят, в газетах об убийстве еще не объявили, но, конечно, объявят, а я просто ну никак не могу решить, что мне надеть на дознание – что-то очень приглушенное? Не черное, нет, может быть, лиловое? Но у меня не осталось ни одного купона, а я потеряла адрес того ужасного человека, который мне их продает – ну, ты знаешь, гараж где-то около Шафтсбери-авеню. Если я поеду на машине, полиция последует за мной, они способны задать самые бестактные вопросы, верно? И что тут можно ответить? Филип, до чего ты невозмутим! Как ты можешь быть таким спокойным? Неужели ты не понимаешь – теперь у нас есть возможность уехать из этого ужасного дома! Свобода! Свобода! Нет, какая я недобрая... бедный, старенький – мы, конечно, ни за что не покинули бы его, пока он был жив. Он просто обожал нас, правда? Хотя эта женщина там, наверху, изо всех сил старалась нас посорить. Я уверена – если бы мы уехали и оставили его наедине с ней, он лишил бы нас всего. Отвратительное существо! В конце концов, бедному дусе-дедусе почти уже стукнуло девяносто, никакие семейные чувства не устояли бы против этой ужасной женщины, которая караулила бы его. По-моему, Филип, нам представляется чудесный случай поставить пьесу «Эдит Томпсон». Убийство создало бы нам рекламу. Билденштейн говорит, он мог бы получить для меня главную роль. Та унылая пьеса в стихах про шахтеров вот-вот должна сойти. Роль изумительная, изумительная. Считается, что я должна играть только в комедиях – из-за моего носа, – но, знаешь, из Эдит Томпсон можно извлечь сколько угодно комедийного. Автор, по-моему, сам этого не сознавал. Но комедия всегда усиливает зловещий колорит. Я знаю точно, как надо сыграть эту роль: банальная, глупая, притворщица до последней минуты, и вдруг...

Она выбросила вперед руку – сигарета вывалилась из мундштука на полированный письменный стол красного дерева и погасла. Филип бесстрастно взял ее и бросил в мусорную корзину.

– И вдруг, – прошептала Магда Леонидис, глаза ее расширились, лицо окаменело, – *страх...*

Выражение отчаянного страха сохранялось на ее лице секунд двадцать, потом лицо разгладилось, но тут же сморщилось, и перед нами появился растерянный ребенок, готовый расплакаться.

Неожиданно все эмоции исчезли с ее лица, словно стертые губкой, она повернулась ко мне и спросила деловитым тоном:

– Как вы думаете, так надо играть Эдит Томпсон?

Я ответил, что именно так. Я весьма смутно представлял себе, кто такая Эдит Томпсон, но мне очень хотелось произвести благоприятное впечатление на мать Софии.

– Очень похоже на Бренду, не правда ли? – осведомилась Магда. – А знаете, я до этой минуты об этом не думала. Очень интересно. Не указать ли мне на это сходство инспектору?

Человек за письменным столом едва заметно нахмурился.

– Право, Магда, тебе вообще незачем встречаться с инспектором. Я могу ответить на все интересующие его вопросы.

– Незачем? – Голос ее зазвучал пронзительно. – Разумеется, я *должна* с ним встретиться! Миленький, ты совершенно лишен воображения! Ты не ощущаешь, насколько важны детали. Он захочет знать точно, как и когда все произошло, все мелочи, которые тогда запомнились и не могли не удивить...

– Мама, – София появилась в дверях, – ты не должна пичкать инспектора выдумками.

– София... голубка...

– Ненаглядная, я знаю, у тебя уже все выстроено и ты готова дать прекрасный спектакль. Но поставила ты его неправильно. Абсолютно неправильно.

– Глупости. Ты просто не знаешь...

– Знаю. Радость моя, играть надо совсем по-другому. Притушенно, говорить мало, побольше скрывать, быть настороже и оберегать семью.

На лице Магды Леонидис выразилось откровенное, как у ребенка, замешательство.

– Голубка, – сказала она, – ты и вправду считаешь...

– Да, считаю. Играть под сурдинку. Вот в чем смысл. – И София, увидев, как на лице матери появляется довольная улыбка, прибавила: – Я тебе приготовила шоколаду. В гостиной.

– Дивно! Умираю от голода...

Она помедлила в дверях.

– Вы не знаете, – сказала она, обращая свои слова то ли ко мне, то ли к полке за моей головой, – как чудесно иметь дочь.

И с этой репликой под занавес она покинула сцену.

– Один бог ведает, что она наговорит полиции, – сказала мисс де Хевиленд.

– Все будет в порядке, – успокоила ее София.

– Она может сказать что угодно.

– Не волнуйся, она сыграет так, как того требует режиссер. А режиссер – это я.

Она направилась было за нею вслед, но в дверях обернулась:

– Здесь к тебе инспектор Тавернер, отец. Ты не против, если Чарльз останется?

Мне почудилось, будто по лицу Филипа Леонидиса скользнуло легкое недоумение. И немудрено. Но привычка соблюдать невозмутимость сослужила мне добрую службу. Он проормотал: «Да, конечно, конечно» – несколько неуверенным тоном.

Инспектор Тавернер, солидный, надежный, вошел с той деловитой стремительностью, которая почему-то действовала на людей успокаивающе.

«Несколько неприятных минут, – словно говорила его манера, – и мы навсегда уберемся из вашего дома, и больше всех доволен буду я. Поверьте, мы не собираемся околачиваться тут вечно».

Не знаю уж, как ему удалось дать это понять без единого слова, а только придвинув стул к письменному столу, но факт тот, что удалось. Я скромно уселся немного поодаль.

– Я вас слушаю, инспектор, – проговорил Филип.

– Я не нужна, инспектор? – отрывисто произнесла мисс де Хевиленд.

– Пока нет, мисс де Хевиленд. Вот если позволите позднее...

– Да, конечно. Я буду наверху.

Она вышла и закрыла за собой дверь.

– Итак, инспектор? – повторил Филип.

– Я знаю, вы человек занятой, я вас долго не задержу. Скажу вам только строго конфиденциально, что наши подозрения подтвердились – ваш отец умер не своей смертью, а от чрезмерной дозы физостигмина, чаще известного как эзерин.

Филип наклонил голову, но никаких признаков волнения не обнаружил.

– Есть ли у вас какие-нибудь догадки?

– Какие же могут быть у меня догадки? На мой взгляд, отец принял яд по ошибке.

– Вы действительно так думаете, мистер Леонидис?

– Да, по-моему, это вполне допустимое объяснение. Ему, не забывайте, было уже под девяносто, и видел он неважно.

– И поэтому сумел перелить содержимое пузырька с глазными каплями в пузырек из-под инсулина. Вам действительно это кажется правдоподобным, мистер Леонидис?

Филип не ответил. Лицо его окончательно превратилось в непроницаемую маску.

Тавернер продолжал:

– Пустой пузырек из-под глазных капель мы нашли в мусорном ящике. Никаких отпечатков пальцев, что уже само по себе любопытно. Они должны были быть – вашего отца, либо жены, либо слуги...

Филип поднял глаза:

– Слуги? В самом деле, а это не может быть Джонсон?

– Вы предлагаете Джонсона в качестве преступника? Конечно, у него была благоприятная возможность. Но что касается мотива, то тут дело обстоит совсем не так просто. Отец ваш имел обыкновение выплачивать ему ежегодно премию, и с каждым годом премия возрастала. Ваш отец четко объяснил ему, что делает это взамен суммы, которую иначе оставил бы по завещанию. Сейчас, после семилетней службы, премия достигла уже солидной суммы и возросла бы еще. Так что интересы Джонсона требовали, чтобы ваш отец жил как можно дольше. Более того, они были в прекрасных отношениях, прежний послужной список Джонсона безупречен – квалифицированный преданный камердинер. – Старший инспектор помолчал. – Нет, мы не подозреваем Джонсона.

Филип ответил невыразительным «понимаю».

– А теперь, мистер Леонидис, может быть, вы дадите мне подробный отчет о своих передвижениях в день смерти вашего отца?

– Безусловно, инспектор. Весь тот день я провел в этой комнате, исключая, естественно, время принятия пищи.

– Виделись ли вы в тот день с отцом?

– Я зашел к нему, как обычно, поздороваться после завтрака.

– Вы были с ним наедине?

– В комнате находилась моя... э-э-э... мачеха.

– Он вел себя как обычно?

В тоне Филипа на этот раз просквозила ирония:

– По-моему, непохоже было, что он предвидел свою смерть от руки убийцы.

– Часть дома, занимаемая вашим отцом, полностью отделена от этих помещений?

– Да, попасть туда можно только одним путем – через дверь в холле.

– Дверь обычно закрыта?

– Нет.

– И никогда не запирается?

– Я никогда не видел ее закрытой.

– Любой может передвигаться по дому, переходя из одной части в другую?

– Конечно. Они были разделены только с точки зрения удобства домашних.

– Как вы узнали о смерти отца?

– Мой брат Роджер, занимающий западное крыло верхнего этажа, прибежал с известием, что у отца сердечный приступ, он задыхается, ему явно плохо.

– И как вы поступили?

– Я позвонил доктору, чего до меня никто не подумал сделать. Доктора не было, и я попросил передать ему, чтобы он приехал как можно скорее. Затем я поднялся наверх.

– А дальше?

– Отец очень плохо себя чувствовал. Он умер до приезда врача.

В голосе не слышалось волнения. Филип просто констатировал факт.

– Где находились в то время остальные члены семьи?

– Жена была в Лондоне. Она вскоре вернулась. София, мне кажется, тоже отсутствовала. Младшие, Юстас и Жозефина, были дома.

– Надеюсь, вы поймете меня правильно, мистер Леонидис, если я спрошу – каким образом смерть отца повлияет на ваше финансовое положение?

– Я понимаю ваше желание знать все детали. Отец сделал нас независимыми в финансовом отношении много лет назад. Брата он утвердил председателем и главным пайщиком фирмы ресторанных услуг – своей самой крупной компании. Он поручил управление целиком брату. Мне он дал то, что считал равной долей. Реально, думаю, примерно сто пятьдесят тысяч фунтов в ценных бумагах и займах – с тем чтобы я мог распоряжаться капиталом по своему усмотрению. Он положил также очень щедрые суммы на имя моих двух сестер. Обе они уже умерли.

– Но сам он оставался так же богат?

– Нет, за собой он сохранил сравнительно скромный доход. Он говорил, что это будет для него стимулом к жизни, но с тех пор, – впервые слабая улыбка тронула губы Филипа, – в результате различных операций отец сделался еще богаче, чем прежде.

– Вы с братом поселились в его доме. Это не было следствием каких-либо... финансовых затруднений?

– Нет, конечно. Просто так было удобнее. Отец не раз говорил, что мы в любой момент можем поселиться вместе с ним. По разным семейным обстоятельствам так было удобнее. Кроме того, – добавил Филип, подумав, – я был очень привязан к отцу. Я переехал сюда с семьей в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. Арендной платы я не вношу, но плачу свою долю налогов.

– А ваш брат?

– Брат переехал сюда после того, как его дом в Лондоне разбомбило в тысяча девятьсот сорок третьем году.

– Хорошо, мистер Леонидис, а имеете ли вы представление о том, каковы завещательные распоряжения вашего отца?

– Совершенно четкое представление. Отец сделал новое завещание в тысяча девятьсот сорок шестом году. Скрытность не была ему свойственна. У него было обостренное чувство семьи. Он собрал семейный совет, на котором также присутствовал его нотариус, по просьбе отца объявивший условия завещания. Вам, вероятно, они известны. А если нет, мистер Гейтскилл вас, без сомнения, с ними ознакомит. Приблизительно так: сумма в сто тысяч, не подлежащая налогу, отходила моей мачехе, в дополнение к весьма щедрой сумме в соответствии с брачным договором. Остальное поделено на три части: одна мне, одна брату, третья – под опекой – троим внукам. Состояние огромное, но и налог на наследство, разумеется, будет велик.

– Завещано ли что-нибудь слугам или на благотворительные цели?

– Ничего не завещано. Жалованье прислуге увеличивалось ежегодно, пока они оставались в его услужении.

– А вы... извините мой вопрос... вы сами не нуждаетесь в наличных деньгах, мистер Леонидис?

– Подходный налог, как вы знаете, инспектор, весьма внушителен, но моего дохода вполне хватает на наши с женой нужды. Более того, отец часто делал нам всем очень щедрые подарки, и, возникни какая-нибудь экстренная необходимость, он немедленно пришел бы на помощь. Заверяю вас, инспектор, – заключил он холодным тоном, отчеканивая слова, – у меня не было финансовой причины желать смерти моему отцу.

– Очень сожалею, мистер Леонидис, что я своими расспросами подал вам мысль, что подозреваю вас в чем-то подобном. Нам приходится докапываться до мельчайших деталей. А теперь, боюсь, мне придется задать вам еще кое-какие щекотливые вопросы. Они относятся к взаимоотношениям между вашим отцом и его женой. Были ли их отношения благополучными?

– Насколько мне известно, да.

– Никаких ссор?

– Думаю, нет.

– Была ведь большая разница в возрасте?

– Да.

– А вы – извините меня, – вы с одобрением отнеслись к женитьбе вашего отца?

– Моего одобрения никто не спрашивал.

– Это не ответ, мистер Леонидис.

– Ну, раз вы настаиваете – я считал брак... неблагоприятным.

– Высказали ли вы свои возражения?

– Я узнал о женитьбе как о свершившемся факте.

– Наверное, это для вас был удар?

Филип не ответил.

– У вас не возникло обиды?

– Отец волен был поступать, как ему вздумается.

– Можно ли считать ваши отношения с миссис Леонидис дружелюбными?

– Вполне.

– Вы дружите с ней?

– Мы очень редко встречаемся.

Старший инспектор переменял тему:

– Можете ли вы мне что-нибудь рассказать о мистере Лоуренсе Брауне?

– Боюсь, что нет. Его нанимал мой отец.

– Да, но чтобы учить ваших детей, мистер Леонидис.

– Резонно. Сын мой перенес детский паралич, к счастью, в легкой форме, и мы решили не отдавать его в школу. Отец предложил, чтобы сына и мою младшую дочь Жозефину обучал домашний учитель. Выбор был в то время весьма ограничен, учитель должен был не подлежать военной службе. Рекомендации у этого молодого человека оказались удовлетворительными, отец и моя тетушка, на которой лежала забота о детях, были довольны, и я дал согласие. Хочу добавить, что не могу предъявить никаких претензий к преподаванию – учитель он добросовестный и компетентный.

– Комната у него в той части дома, которая принадлежит вашему отцу?

– Да, там больше места.

– Не замечали ли вы когда-нибудь... мне неприятно об этом спрашивать... каких-либо знаков близости между ним и вашей мачехой?

– Я не имел случая заметить что-либо подобное.

– Не доходили ли до вас слухи и сплетни на эту тему?

– Я не имею обыкновения слушать сплетни, инспектор.

– Похвально, – отозвался инспектор Тавернер. – Стало быть, вы не видели ничего плохого, не слышали ничего плохого и ничего плохого не скажете.

– Если угодно, так, инспектор.

Старший инспектор Тавернер встал.

– Ну что ж, – сказал он, – благодарю вас, мистер Леонидис.

Я незаметно вышел из комнаты вслед за ним.

– Уф, – проговорил Тавернер, – треска мороженная.

7

– А теперь, – продолжал он, – пойдем перемолвимся с миссис Филип. Магда Уэст – ее театральный псевдоним.

– Она хорошая актриса? – поинтересовался я. – Имя знакомое, как будто я видел ее в каких-то представлениях, но когда и где – не помню.

– Она из этих почти-звезд, – ответил Тавернер. – Выступала пару раз в главных ролях в Вест-энде, составила себе имя в театрах с постоянным репертуаром, много играет в небольших интеллектуальных театриках и воскресных клубах. Мне думается, ей помешало отсутствие необходимости зарабатывать себе на жизнь. Она имеет возможность проявлять разборчивость, переходить с места на место, порой она финансирует спектакли, в которых ее привлекает определенная роль, как правило, самая неподходящая. В результате она очутилась скорее в любительском, чем в профессиональном классе. Не думайте, она играет превосходно, особенно в комедиях, но директора не очень ее жалуют – по их мнению, слишком независима, да и склонна к интригам. Любит раздуть ссору, подлить масла в огонь. Не знаю уж, насколько тут много правды, но, во всяком случае, среди своих коллег-актеров она не пользуется большой симпатией.

Из гостиной вышла София:

– Мама вас ждет, инспектор.

Я последовал за Тавернером в большую гостиную. И не сразу узнал женщину, сидевшую на парчовом диванчике. Золотисто-каштановые волосы башней вздымались вверх в стиле эпохи Эдуарда, элегантно покроя темно-серый костюм, бледно-сиреневая в узкую складочку блузка, застегнутая на горле небольшой камеей. Только сейчас я заметил очарование вздернутого носика. Она слегка напомнила мне Атену Сайлер, и невозможно было поверить, что это то же самое бурное существо в персиковом неглиже.

– Инспектор Тавернер? – произнесла она. – Входите и, прошу вас, садитесь. Вы курите? Какое ужасное событие. Я пока никак не могу с ним свыкнуться.

Голос звучал тихо, ровно – голос человека, решившего во что бы то ни стало держать себя в руках.

– Скажите, пожалуйста, могу я чем-нибудь помочь?

– Спасибо, миссис Леонидис. Где вы находились во время случившейся трагедии?

– Я, должно быть, как раз ехала сюда из Лондона. Днем я завтракала с приятельницей в «Иве». Затем мы поехали на показ мод. Выпили с друзьями в Беркли, и я отправилась домой. Тут я застала страшную суматоху. Как оказалось, у моего свекра случился припадок, и он... умер. – Голос слегка дрогнул.

– Вы были привязаны к вашему свекру?

– Я его просто обо... – Голос зазвучал громче и пронзительнее. София чуть поправила уголок картины Дега. Голос Магды на несколько тонов упал. – Я очень любила его, – ответила она просто. – Мы все его любили. Он был так... добр к нам.

– Как вы ладили с миссис Леонидис?

– Мы редко виделись с Брендой.

– Отчего?

– Ну, у нас мало общего. Бедняжка Бренда. Ей, вероятно, иногда приходилось нелегко. София опять коснулась Дега.

– Да? В каком отношении?

– Ну, не знаю. – Магда с грустной улыбкой покачала головой.

– Была ли миссис Леонидис счастлива с мужем?

– О да, я думаю, да.

– Ссоры бывали?

Опять улыбка и покачивание головой.

– Право, не знаю, инспектор. Их часть дома полностью отделена от нашей.

– Она была очень дружна с мистером Лоуренсом Брауном, не так ли?

Магда Леонидис приняла холодный вид. Широко раскрытые глаза ее с упреком установились на Тавернера.

– Я не думаю, – проговорила она с достоинством, – что вы вправе задавать мне подобные вопросы. Бренда дружески относилась ко всем. Она вообще дружелюбно настроена к людям.

– Нравится вам мистер Лоуренс Браун?

– Он очень тихий. Очень милый, но его почти не замечаешь. Я его вообще редко вижу.

– Он преподает хорошо?

– По-видимому. Меня это мало касается. Филип, по-моему, вполне доволен.

Тавернер прибегнул к тактике внезапного нападения:

– Мне неприятно вас об этом спрашивать, но как по-вашему – существовали между ним и миссис Брендой Леонидис любовные отношения?

Магда с величественным видом поднялась:

– Я никогда не замечала ничего подобного. Мне кажется, инспектор, такого рода вопросы вы не должны задавать мне. Все-таки она была женой моего свекра.

Я чуть не заплодировал.

Старший инспектор тоже поднялся.

– Скорее вопрос к слугам? – заметил он вопросительно.

Магда промолчала.

Сказав: «Спасибо, миссис Леонидис», – инспектор удалился.

– Радость моя, ты была великолепна, – горячо похвалила мать София.

Магда задумчиво покрутила завиток за правым ухом и посмотрелась в зеркало.

– Д-да, – согласилась она. – Пожалуй, сыграно верно.

София перевела взгляд на меня:

– А вам разве не надо идти с инспектором?

– Послушай, София, как мне себя...

Я запнулся. Не мог же я спросить ее прямо так, при ее матери, какая мне отводится роль. Магда Леонидис до сей поры не проявила ни малейшего любопытства к моей персоне – пока что я ей пригодился только как свидетель ее эффектной реплики под занавес о дочерях. Я мог быть репортером, женихом ее дочери, или незаметным сотрудником полиции, или даже гробовщиком – для Магды Леонидис все эти люди составляли публику.

Поглядев вниз, себе на ноги, миссис Леонидис с неудовольствием сказала:

– Эти туфли сюда не подходят. Они легкомысленны.

Повинуясь повелительному кивку Софии, я поспешил вслед за Тавернером. Я нагнал его в большом холле, как раз когда он взялся за ручку двери, ведущей к лестнице.

– Иду к старшему брату, – пояснил он.

Я без дальнейших околичностей изложил ему свои проблемы:

– Послушайте, Тавернер, в конце концов – кто я *такой*?

– Что вы имеете в виду? – удивился он.

– Что я тут делаю? Предположим, меня спросят, и что я отвечу?

– А-а, понятно. – Он подумал. Потом улыбнулся: – А вас кто-нибудь уже спрашивал?

– Н-нет.

– Ну так и оставьте все как есть. «Не объясняй ничего» – отличный девиз. Особенно в доме, где такая неразбериха. У всех полно своих забот и опасений, им не до расспросов. Ваше присутствие будет восприниматься как должное постольку, поскольку вы уверены в

себе. Говорить, когда тебя не спрашивают, большая ошибка. Так, а теперь откроем дверь и поднимемся по лестнице. Ничего не заперто. Вы, конечно, понимаете, что вопросы, которые я им задаю, – сплошная чепуха. Да наплевать мне, кто из них был дома, а кого не было и кто где в тот день находился...

– Так зачем же...

– Затем, что это мне позволяет взглянуть на них, составить о каждом мнение, послушать, что они скажут, – а вдруг кто-то ненароком даст мне ключ. – Он на секунду замолчал, потом понизил голос: – Голову даю на отсечение, миссис Магда Леонидис могла бы сболтнуть что-нибудь важное.

– Да, но насколько это было бы надежно?

– Совсем ненадежно, но могло бы дать толчок к расследованию в новом направлении. У всех в этом проклятом доме было сколько угодно удобных случаев и способов это сделать. Мне не хватает мотива.

Наверху доступ в правое крыло преградила запертая дверь. На ней висел медный молоток, и инспектор послушно постучал.

В то же мгновение дверь с силой распахнулась. Мужчина, который открыл ее, очевидно, как раз собирался выйти. Это был неуклюжий широкоплечий гигант, волосы у него были темные, взъерошенные, лицо донельзя уродливое и в то же время приятное. При виде нас он тут же со смущенным видом отвел глаза – привычка, нередко свойственная честным, но застенчивым людям.

– Ох, боже мой, – пробормотал он, – заходите. Сделайте одолжение. Я как раз уходил... но неважно. Проходите в гостиную. Сейчас приведу Клеменси... ах, ты уже здесь, дорогая. Это старший инспектор Тавернер. Он... Где же сигареты? Погодите минутку. С вашего разрешения... – Он налетел на ширму, нервно пробормотал: «Прошу прощения» – и выскочил из комнаты. Словно вылетел огромный шмель, оставив позади себя тишину.

Миссис Роджер Леонидис продолжала стоять у окна. Меня сразу же заинтриговала ее личность и атмосфера комнаты. В том, что это была ее комната, у меня не возникло никаких сомнений.

Стены были выкрашены в белый цвет, настоящий белый, а не тот цвет слоновой кости или бледно-кремовый, какой обычно подразумевается под словом «белый», когда речь идет об отделке дома. Картины отсутствовали, лишь над камином висела одна – геометрическая фантазия из темно-серых и темно-синих треугольников. Минимум мебели, только самое необходимое, три-четыре стула, столик со стеклянным верхом, небольшая книжная полка. Никаких украшений. Свет, простор, воздух. Комната являла собой полную противоположность нижней гостиной, сплошь заставленной парчовой мебелью и цветами. И миссис Роджер Леонидис разительно отличалась от миссис Филип Леонидис. Чувствовалось, что в Магде Леонидис заключается несколько женщин одновременно и в любой момент может проявиться любая из них. Но Клеменси Леонидис, убежден, неизменно оставалась сама собой. Женщина с ярко выраженной индивидуальностью. На вид ей было около пятидесяти. Седые, очень коротко подстриженные на итонский манер волосы так красиво росли на ее изящной голове, что эта стрижка, всегда казавшаяся мне уродливой, не безобразила ее. Умное, тонкое лицо, какой-то особенно пытливый взгляд светло-серых глаз. Простое темно-красное шерстяное платье изящно облегалo ее стройную фигуру.

Вот женщина, внушающая тревогу, мелькнуло у меня... потому что критерии, по которым она живет, явно не те, по которым живут обыкновенные женщины. Я сразу понял, почему София употребила слово «безжалостность» в применении к ней. Комната отдавала холодом, и я даже поежился.

Клеменси Леонидис произнесла спокойным тоном хорошо воспитанной женщины:

– Садитесь, пожалуйста, старший инспектор. Есть ли какие-нибудь новости?

– Причиной смерти был эзерин, миссис Леонидис.

Она задумчиво проговорила:

– Значит, это убийство. Несчастный случай, как я понимаю, исключается?

– Да, миссис Леонидис.

– Будьте, пожалуйста, помягче с моим мужем, старший инспектор. На него эта новость очень сильно подействует. Он боготворил отца и вообще переживает все очень остро. Он человек эмоциональный.

– Вы были в хороших отношениях со свекром, миссис Леонидис?

– Да, вполне хороших. – И спокойно добавила: – Мне он не очень нравился.

– Почему?

– Мне не нравились его жизненные установки и его методы.

– А как вам нравится миссис Бренда Леонидис?

– Бренда? Я редко ее вижу.

– Не думаете ли вы, что между нею и мистером Лоуренсом Брауном что-то было?

– Вы хотите сказать – что-то вроде романа? Не думаю. Да мне, собственно, и неоткуда это знать.

Голос ее звучал равнодушно.

В комнату ворвался Роджер Леонидис, и снова возникло впечатление, что влетел огромный шмель.

– Меня задержали, – выпалил он. – Телефон. Ну что, инспектор, есть новости? Что послужило причиной смерти отца?

– Смерть вызвана отравлением эзерином.

– Что вы говорите! Боже мой! Значит, все-таки это она! Не захотела ждать! Он ее подобрал, можно сказать, из грязи, и вот награда. Она его хладнокровно убивает! Боже мой, как подумаю, все во мне закипает.

– У вас есть конкретные основания так думать? – спросил Тавернер.

Роджер заходил по комнате, ероша волосы обеими руками.

– Основания? А кто же еще мог? Я ей никогда не доверял, она всегда мне не нравилась! Никому не нравилась. Мы с Филипом в ужас пришли, когда отец однажды явился домой и сообщил о своей женитьбе. В его возрасте! Безумие, чистое безумие! Отец был человеком поразительным, инспектор. Живой ум, как у сорокалетнего. Всем, что у меня есть, я обязан ему. Он все для меня сделал, ни разу не подвел. Это я его подвел... как подумаю...

Он тяжело опустился в кресло. Жена спокойно подошла к нему:

– Хватит, Роджер, хватит. Не взвинчивай себя так.

– Да, душа моя, знаю. – Он взял ее за руку. – Но как я могу оставаться спокойным... Как могу не испытывать...

– И все-таки мы все должны сохранять спокойствие. Старший инспектор нуждается в нашей помощи.

– Это верно, миссис Леонидис.

– Знаете, чего мне хочется? – закричал Роджер. – Мне хочется задушить эту женщину своими руками. Отнять у бедного старика несколько лет жизни! Будь она сейчас здесь... – он вскочил, его трясло от ярости. Он протянул вперед руки, скрючив пальцы, – ...я задушил бы ее, задушил...

– Роджер! – одернула его Клеменси.

Он смущенно взглянул на нее:

– Прости, душа моя. – Он обернулся к нам: – Извините меня. Я не владею собой. Я... Простите...

И он опять вышел из комнаты.

Клеменси Леонидис с едва заметной улыбкой проговорила:

– На самом деле Роджер мухи не обидит.

Тавернер вежливо улыбнулся. А затем начал задавать свои обычные рутинные вопросы.

Клеменси Леонидис отвечала кратко и точно. Роджер Леонидис был в день смерти отца в Лондоне, в Боксхаузе, у себя в управлении. Вернулся он засветло и какое-то время, как обычно, провел с отцом. Сама она, как всегда, находилась в Институте Ламберта на Гауэр-стрит, где она работает. Вернулась домой почти в шесть вечера.

– Видели ли вы свекра?

– Нет. В последний раз я его видела накануне, мы пили с ним послеобеденный кофе.

– А в день смерти вы его видели?

– Нет. Я, правда, ходила на его половину, Роджеру показалось, что он оставил там свою трубку – очень ценную вещь. Но, как выяснилось, он оставил ее на столике в коридоре, так что мне не пришлось беспокоить свекра. Он часто ложился около шести вздремнуть.

– Когда вы услышали о том, что он заболел?

– Бренда прибежала и сказала. Примерно в половине седьмого.

Вопросы эти, как я знал, ничего не значили, но я видел, с каким пристальным вниманием изучает инспектор Тавернер эту женщину. Он задал ей несколько вопросов о характере ее работы в институте. Она объяснила, что работа связана с радиационным эффектом атомного распада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.